

ОЛЬГА РУБИНЧИК

Санкт-Петербург, Россия

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5609-1819>

«А ЧТО ТАКОЕ СТИШКИ?» ИЗ ПЕРЕПИСКИ НАДЕЖДЫ МАНДЕЛЬШТАМ С ЛИДИЕЙ ГИНЗБУРГ

“AND WHAT IS RHYMES?» FROM THE CORRESPONDENCE OF NADEZHDA MANDELSHTAM WITH LYDIA GINZBURG

The focus of this article is the correspondence between Nadezhda Mandelshtam and Lydia Ginzburg from 1959 to 1968. Nadezhda Mandelshtam is the widow of the poet Osip Mandelshtam, a biographer and essayist. Lydia Ginzburg is a scholar specializing in literary studies, novelist, essayist and biographer. This is the first time Ginzburg's letters have been a subject to systematic analysis. This article is devoted to one of the multiple layers of meaning of their correspondence — a dispute about the nature of poetry and to approach to its study by these two great women, who possessed a powerful male intellect, literary gift and extraordinary experience.

Keywords: Nadezhda Mandelshtam, Lydia Ginzburg, the correspondence, Osip Mandelshtam, almanac “Tarousski Pages”

Надежда Яковлевна Мандельштам — вдова поэта, мемуаристка, эссеистка. Лидия Яковлевна Гинзбург — исследователь литературы, прозаик, эссеистка, мемуаристка. Эпистолярный относится к 1959–1968 гг., письма Гинзбург вводятся в научный оборот впервые¹. Статья посвящена одному из нескольких смысловых

¹ Письма Л.Я. Гинзбург хранятся в РГАЛИ в фонде О.Э. Мандельштама (ф. 1893, оп. 3, ед. хр. 184). В архиве Л.Я. Гинзбург в Рукописном отделе РНБ есть черновики ряда ее писем к Н.Я. Мандельштам, в основном во фрагментах, которые, по-видимому, Гинзбург считала наиболее существенными (ф. 1377, оп. 1, без ед. хр.; оп. 2, ед. хр. 76; оп. 3, ед. хр. 145). Черновики дополняют то немногое, что сохранилось в архиве Н.Я. Мандельштам.

Письма Н.Я. Мандельштам к Л.Я. Гинзбург, подгот. текста Н.К. Цендровской при участии А. Г. Меца, коммент. Л.Я. Гинзбург, опубли. в журнале

пластов заочного разговора: спору о сути поэзии и об исследовательских подходах к ней двух великих женщин, известных мужской мощью ума, обладавших литературным даром и незаурядным опытом.

Первое в ряду писем на эту тему — письмо Гинзбург о присланном ей Мандельштам альманахе *Тарусские страницы*², ставшем настоящим литературным событием 1961 г. Таруса — старинный городок в Калужской области, на реке Оке. Во вступительном слове сборника говорится:

К. Паустовский писал: «У Тарусы есть своя слава... Пожалуй, нигде близости от Москвы не было мест таких типично и трогательно русских по своему пейзажу. [...] Недаром еще с конца XIX века Таруса стала городом художников, своего рода нашим отечественным Барбизоном. Здесь жили Поленов и тончайший художник Борисов-Мусатов, здесь живут Крымов, Ватагин и многие другие крупные наши художники. [...] За художниками потянулись писатели и ученые, и Таруса сделалась своего рода творческой лабораторией и приютом для людей искусства и науки». [...] В сборник *Тарусские страницы* вошли повести, рассказы, поэмы и стихотворения, написанные авторами в этом маленьком городке. Часть из них посвящена Тарусе, ее людям, ее сегодняшнему дню. Но, разумеется, рамками города и района не исчерпывается круг интересов и творческих поисков писателей и поэтов, территориально связанных с Тарусой. Отсюда и известная широта тематического охвата сборника³.

В *Тарусских страницах* опубликованы стихи и проза Марины Цветаевой, проза Константина Паустовского, Фриды Вигдоровой, Булата Окуджавы, Бориса Балтера, Владимира Максимова, Юрия Казакова, Юрия Трифонова и других, менее известных авторов, стихи Николая Заболоцкого, Бориса Слуцкого, Наума Коржавина, Давида Самойлова, Владимира Корнилова, Евге-

«Звезда» 1998, № 10. Тщательно подготовленная публикация в «Звезде» послужила основой для данной публикации; письма заново выверены по оригиналам, хранящимся в РНБ в фонде Л. Я. Гинзбург (ф. 1377, оп. 3, ед. хр. 378), некоторые датировки уточнены, примечания значительно расширены. Моя искренняя благодарность Павлу Марковичу Нерлеру, оказавшему мне разнообразную помощь в ходе работы над материалом, Александру Семеновичу Кушнеру, литературному наследнику Л. Я. Гинзбург, давшему разрешение на публикацию писем, и Марине Юрьевне Любимовой, предоставившей мне возможность познакомиться с материалами фонда Л. Я. Гинзбург (еще не до конца описанными).

² *Тарусские страницы: Литературно-художественный иллюстрированный сборник*, Калужское книжное издательство, Калуга 1961.

³ Там же, с. 5–6.

«А ЧТО ТАКОЕ СТИШКИ?»...

ния Винокурова, Николая Панченко, Аркадия Штейнберга, Петра Семьинова. Также в альманахе напечатаны *Воспоминания, заметки, записи о В.Э. Мейерхольде* Александра Gladkova, материалы о Василии Поленове и Викторе Борисове-Мусатове — рисунками этих и других художников сборник обильно проиллюстрирован. Большая часть текстов, как сообщал партийный чиновник во время кампании против этого издания — «неполноценные по своим идейно-художественным качествам»⁴ произведения. Среди художественно-публицистических текстов альманаха — три очерка Мандельштам (под псевдонимом «Н. Яковлева»). Она снимала в Тарусе жилье летом и несколько раз провела зиму в период, когда не имела права проживать ближе, чем на сто первом километре от крупных городов. Это надо иметь в виду, читая письмо Гинзбург от 15 декабря 1961 г. (черновой автограф)⁵:

Дорогая Надежда Яковлевна!

[...] О *Страницах* вам, вероятно, уже много писали и говорили, и успех их вам известен. [...] Там много интересного и — при всей неравноценности — очень мало бездарного. Стихи Заболоцкого дивные. Между тем, к тому, что он в течение многих лет печатал, я была равнодушна. Но *Лицо коня, Египет, Воспоминание* идут по самому большому счету. Публикация Цветаевой как-то к сборнику почти не добавляет нового⁶. Прочие стихи разных поэтов читала с интересом. Но заметили ли вы, что у нас утверждается сейчас в стихах особое направление — «прозаическое»; его вдохновитель, очевидно, Слуцкий. Представители этого направления, кажется, гордятся тем, что они суровы и современны. Они обрубают у слова ассоциации и заменяют движение поэтической мысли повествовательной историей, которую можно рассказать своими словами. Они не понимают, что поэтическое слово должно удивлять, в том числе и самое простое. Мы теряемся от удивления, читая пушкинское: «...А мы с тобой вдвоем предполагаем жить... И глядь — как раз — умрем».

О. Э. в высочайшей степени обладал этим свойством чудесного изображения всех вещей, к которым он прикасался.

Как бы ни воспринимались отдельные произведения, но сборник в целом — важное дело.

⁴ Докладная записка в ЦК КПСС от 23 декабря 1961 г. начальника главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР П. Романова. См. К. Г. Паустовский, *Романтики. Приложения*: <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/romantiki/romantiki-pril-4.htm> (20.08.2015).

⁵ Все письма в публикации приводятся во фрагментах.

⁶ В 1961 г. в Москве вышел первый за долгие годы сборник стихов М. Цветаевой — *Избранное*.

Ваши *Куколки* — прекрасный образец очерка. [...]
Сборник разбудил во мне давно дремлющее желание посмотреть Тарусу. Можно ли мне снять комнату на неделю [...]?

Отмечу литературоцентричность Гинзбург: причиной познакомиться с Тарусой для нее становится знакомство с «тарусской» (условно говоря) литературой. После *Тарусских страниц* Гинзбург несколько раз будет отдыхать в этом полугородке-полупоселке.

Важно замечание Гинзбург о том, что в современной советской поэзии утверждается «прозаическое» направление. При всей благосклонности к представленным в сборнике талантливым и смелым поэтам, она, сразу отделив от них Цветаеву и Заболоцкого, никого в отдельности не выделяет — им дается общая характеристика. Действительно, в *Тарусских страницах* поэты как будто специально подобраны по «прозаическому» принципу. Причины: многолетнее запихивание советской поэзии в рамки соцреализма; необходимость представить в альманахе прежде всего «понятные», в достаточной мере «советские» стихи, иначе издание не пройдет цензуру (Цветаева и Заболоцкий помещены в конце); тяжелый, в том числе военный, опыт многих поэтов, требующий отражения средствами «простого» слова, и возможность в конце 50-х — начале 60-х гг. более-менее прямого публицистического высказывания; наконец, художественный вкус инициатора и одного из составителей *Тарусских страниц* Николая Панченко⁷.

Гинзбург предполагала, что вдохновитель «прозаического» направления — Борис Слуцкий. Не самый старший в поэтической команде *Тарусских страниц*, Слуцкий был, возможно, самым авторитетным, а стихи, открывшие подборку его произведений⁸, можно назвать программными:

Надо думать, а не улыбаться.
Надо книжки трудные читать.
Надо проверять — и ушибаться,
Мнения не слишком почитать. [...]

Второе стихотворение называется *Творческий метод* и заканчивается так:

⁷ Панченко Николай Васильевич (1924–2005) — поэт, лауреат премии «За честь и достоинство в литературе», премии имени Андрея Сахарова «За гражданское мужество писателя» и т.д., друг Н.Я. Мандельштам.

⁸ *Тарусские страницы...*, с. 210.

«А ЧТО ТАКОЕ СТИШКИ?»...

Поэты отличаются от прочих
Людей
Приверженностью к прямоте
И краткости.

В сборнике мало текстов, которые можно назвать чистой лирикой. Бóльшая же часть — это повествовательные стихи с четко обозначенными в названии темами: *Ресторан*, *Футбол*, *Рассказ солдата*, *За ношение орденов!* (Слущкий), *Хозяин*, *Человек*, *Учительница* (Штейнберг), *Купание детей*, *Заведующий поэзией* (Винокуров) и др. А первые стихотворные тексты альманаха — это поэмы, подзаголовки которых ставят акцент на их родстве с прозой: *Шофер. Повесть в стихах* Корнилова и *Болховское. Заметки в стихах* Штейнберга. Вообще поэмами являются или тяготеют к форме поэмы в ее эпическом варианте в *Тарусских страницах* многие произведения: *Наталья* Панченко, *Чайная* Самойлова и др.

«Черствый» стих, «вровень с обиходной речью», как он назван в программном стихотворении Штейнберга, не был близок Гинзбург — при том, что воспитанная в эпоху авангарда и крутых перемен во всем, она имела широкий диапазон восприятия, а проблемы влияния живой речи на поэтический язык, влияния прозы на стихи были предметом острого интереса ученых ОПОЯЗа, к младшим представителям которого Гинзбург принадлежала в 20-е гг.⁹ Ее равнодушие к тому, что печатал в течение многих лет Заболоцкий, связано с тем же настороженным отношением к «простоте» и «прямоте» «прозаического» направления. Заболоцкий 20-х гг., «хлебниковский», обериутский, ей интересен: «Какая сила подлинно поэтического безумия в этом человеке...»¹⁰. Ему она посвящает воспоминания, которые одновременно являются анализом его творчества.

⁹ ОПОЯЗ (Общество по изучению поэтического языка) — существовавшее в 1916 — середине 1920-х гг. научное объединение, созданное блестящими теоретиками и историками литературы, лингвистами, стиховедами, представителями так называемой «формальной школы». Руководителем объединения был Виктор Шкловский, в него входили Осип Брик, Евгений Поливанов, Роман Якобсон, Лев Якубинский, Борис Томашевский, Борис Эйхенбаум, Юрий Тынянов и др. ОПОЯЗ стал основной организацией русского формализма — одного из наиболее значительных течений в литературоведении начала XX в. См. Г. А. Левинтон, *ОПОЯЗ // Лингвистический энциклопедический словарь*, Советская энциклопедия, Москва 1990, с. 347–348.

¹⁰ Дневниковая запись 1929 г. Л. Я. Гинзбург, *Записные книжки. Воспоминания. Эссе*, Искусство-СПБ, Санкт-Петербург 2002, с. 71.

Послесимволистическая поэзия отбросила сверхчувственные значения символизма, но осталась повышенной способностью слова вызывать неназванные представления, ассоциациями замещать пропущенное. [...] Ранний Заболоцкий — поэт конца 1920-х годов, чьим неотъемлемым достоянием является опыт его предшественников. Самоутверждаясь, он боролся с этой поэтикой, и все же она была у него в крови, поэтика индивидуальных контекстов и ветвящихся ассоциаций¹¹.

Идея простоты завладевает в тридцатых годах Зощенко, Заболоцким, Пастернаком. Манделштам в стихах не допускал уступок, поэзия у него была крепко ограждена, но его жизневосприятие в высшей степени было подвержено эпохальным веяниям¹².

Стихов Заболоцкого, в которых проявляется «приспособляемость к обстоятельствам»¹³, в альманахе нет: десять стихотворений, написанных с 1926 по 1956 г., — это тексты, публикуемые впервые. Гинзбург выделяет *Лицо коня* (1926) со сложной поэтикой и совсем другие уже, послелагерные стихи — *Воспоминание* (1952) и *Бегство в Египет* (1955). Можно сказать, что им свойственна простота, но это не простота тридцатых годов, а тонкость нитей, связующих стихотворение с культурой, мудрость прошедшего через страдание, благоговение перед теплящейся жизнью, прозрачность последнего знания о ней.

Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой —

Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложились на трущобу
Тень распятого в горах, —

Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.

Определяя особые свойства такой простоты, Гинзбург отсылает к Пушкину. И как пример удивляющего слова называет Манделштама, чьи стихи с 1920-х гг. были для нее — читателя

¹¹ Л. Я. Гинзбург, *Заболоцкий двадцатых годов* // там же, с. 483.

¹² Л. Я. Гинзбург, *Записи 1970-1980-х годов* // там же, с. 289.

¹³ Там же, с. 285.

«А ЧТО ТАКОЕ СТИШКИ?»...

и исследователя¹⁴ — одним из важнейших явлений в русской поэзии.

Ответ Н. Мандельштам из Тарусы от 26 декабря 1961 г.¹⁵:

Милая Лидия Яковлевна!

Очень обрадовалась вашему письму. В Тарусе всегда можно снять комнату и хозяйка будет готовить. [...] Мне очень интересно, что вы пишете про современных поэтов. Не то ли это, что О.М. называл «пересказом» (все, что поддается пересказу, — «там простыни не смяты, там поэзия даже не ночевала» — *Разговор о Данте*¹⁶; кстати, недавно я это же прочла у Владимира Соловьева. О.М. почти его не упоминал, а его влияние (философское) — несомненно [...]). Я это очень остро чувствую у «молодых» [...] (молодым лет по сорок). [...] А «прозаизм»... Б.Л.¹⁷ сказал мне как-то: «Главное в поэзии — это проза» [...]. Есть прозаизмы — во! А что такое поэзия? Удивление ничего не объясняет. Разве вы не ахаете иногда от прозы? Например, Анна Каренина как-нибудь повернется и ахнешь. (А я Толстого не люблю.) Вспомните... Зоркость зрения... А что такое стихи? Ведь это не просто концентрат. Вероятно, надо обратиться к Соловьеву, которого я сейчас для себя открыла.

Сравним определение творчества ранней Ахматовой в посвященном ей стихотворении Пастернака: «Где крепили прозы пристальной крупицы...»¹⁸. Он говорит о «крупичах» прозы, а стихи поэтов «прозаического» направления — это проза по преимуществу. По мнению Надежды Мандельштам, в стихах могут быть прозаизмы, но не «пересказ». Если продолжить цитировать *Разговор о Данте*, — необходима «метаморфоза» слова. Это имеет в виду и Гинзбург. Однако ее критерий: «поэтическое слово

¹⁴ Гинзбург многократно писала о Мандельштаме. См., например, ее дневниковые записи в: Л.Я. Гинзбург, *Записные книжки...*, с. 15–18 и др. Для *Стихотворений* Мандельштама в Большой серии *Библиотеки поэта* Гинзбург написала статью *Поэтика Осипа Мандельштама*, которая в 1968 г. была уже сверстана, но потом заменена на статью А.Л. Дымшица и в результате вышла в изд.: «Известия АН СССР. Серия литературы и языка» 1972, т. 31, вып. 4. Мандельштаму посвящен и ряд других текстов Гинзбург.

¹⁵ Датировка по штампу на конверте.

¹⁶ «[...] Взятая вне орудийной метаморфозы, лишена всякой значительности и поддается пересказу, что, на мой взгляд, вернейший признак отсутствия поэзии: ибо там, где обнаружена соизмеримость вещи с пересказом, там простыни не смяты, там поэзия, так сказать, не ночевала. Дант [...] стратег превращений и скрещиваний [...]». О.Э. Мандельштам, *Слово и культура*, Советский писатель, Москва 1987, с. 108.

¹⁷ Б.Л. Пастернак.

¹⁸ *Анне Ахматовой* в изд.: Б.Л. Пастернак, *Стихотворения и поэмы*, Советский писатель, Ленинград 1977, с. 262.

должно удивлять», — для Мандельштам не убедителен. Надежда Мадельштам ищет такое определение поэзии, которое можно принять без оговорок, некий абсолют, точно попадающий в ее тайну и предназначение.

«А что такое стишки? Ведь это не просто концентрат» — продолжает она диалог, возможно, отвечая на недошедшую до нас реплику Гинзбург. В книге Гинзбург *О лирике*, которая выйдет через несколько лет, в 1964 г., встретится слово «концентрат»:

Стиховой строй в высшей степени динамизирует художественное слово (из чего вовсе не следует, что стиховая форма может превратить в поэзию любое сочетание слов). Свойства же стихового слова с предельной интенсивностью, в чистом виде выражены в лирике. Лирическое слово — концентрат поэтичности. Оно должно обладать несравненной силой воздействия¹⁹.

Определяя таким образом свойства лирических стихов, Гинзбург оставалась верна опоязовской школе, прежде всего — своему учителю Юрию Тынянову, в 1924 г. в книге *Проблема стихотворного языка* обозначившему главные признаки лирики так: «теснота и единство стихового ряда» и «динамизация речевого материала»²⁰. Надежда Яковлевна, однако, думает не об открытиях литературоведения, а о том, что впитала из разговоров с Мандельштамом и из его статей. Снижая пафос, она использует «домашнее» словцо Мандельштамов — стишки («Послушай стишок, — говорил О. М., — как он? Ничего?»²¹). Упоминая о «концентрате», она, по-видимому, имеет в виду то, что Мандельштам обозначил словами «Я мыслю опущенными звеньями»²². Он говорил о своей прозе, но тем более это относится к стихам. О том же — в *Утре акмеизма*: «Скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно той чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает»²³.

Но, по мнению Надежды Мандельштам, стихи — это не просто «концентрат», «чудовищно-уплотненная реальность», а и что-

¹⁹ Л. Я. Гинзбург, *О лирике*, Советский писатель, Москва–Ленинград 1964, с. 8.

²⁰ Цит. по: Ю. Тынянов, *Проблема стихотворного языка*, Советский писатель, Москва 1964, с. 67.

²¹ Н. Я. Мандельштам, *Воспоминания // ее же, Собрание сочинений в двух томах*, ГОНЗО, Екатеринбург 2014, т. 1, с. 240.

²² Э. Г. Герштейн, *Мемуары*, ИНАПРЕСС Санкт-Петербург 1998, с. 19.

²³ О. Э. Мандельштам, *Слово и культура...*, с. 168.

«А ЧТО ТАКОЕ СТИШКИ?»...

то еще. Что? Она отсылает к Владимиру Соловьеву. Идеей, близкой мысли Мандельштама о пересказе и метаморфозе, пронизана статья Соловьева *Общий смысл искусства*:

[...] эстетическая связь искусства и природы гораздо глубже и значительнее. Поистине она состоит не в повторении, а в продолжении того художественного дела, которое начато природой, — в дальнейшем и более полном разрешении той же эстетической задачи²⁴.

Правда, религиозного философа волнуют не столько проблемы искусства, сколько то, чему посвящен упоминаемый Надеждой Мандельштам в других контекстах труд *Оправдание добра*: возможность преобразования человека и человеческого общества:

Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь²⁵.

Подхватывая начатый Гинзбург разговор о «прозаизации» поэзии, Н. Мандельштам ссылкой на Соловьева переводит его в другой регистр.

Но и выход на «самое главное»²⁶ не давал ей окончательного «ключа» к поэзии Мандельштама, который был для нее символом поэзии вообще. Вряде других писем, адресованных Гинзбург, она проявляет интерес к разным школам анализа художественного произведения: к формализму (ОПОЯЗу), Пражскому лингвистическому кружку²⁷, к Московско-Тартуской семиотической

²⁴ В. С. Соловьев, *Общий смысл искусства* // его же, *Философия искусства и литературная критика*, Искусство, Москва 1991, с. 74.

²⁵ Там же, с. 89.

²⁶ Из письма Мандельштам Ахматовой (середина декабря 1961 г.): «Я читаю Соловьева. Неожиданно оказалось, что это самое главное (книга о добре и ряд статей). [...] У меня есть прямые доказательства, что Ося читал, знал и здорово помнил Соловьева». Н. Мандельштам, *Об Ахматовой*, Новое издательство, Москва 2007, с. 259–261 (подчеркнуто — Н. М.).

²⁷ Пражский лингвистический кружок был создан на базе Пражской лингвистической школы — одного из основных направлений структурной лингвистики. Кружок возник в 1926 г., организационно распался в начале 1950-х гг. В него входили Вилем Матезиус (организатор и глава кружка), Богумил Трнка, Богуслав Гавранек и др. чехословацкие филологи, а также Николай Трубецкой, Роман Якобсон, Сергей Карцевский, творчески связаны с идеями Пражской лингвистической школы были Пётр Богатырев, Григорий Винокур, Евгений Поливанов, Борис Томашевский, Юрий Тынянов. См. Т. В. Булыгина, *Пражская лингвистическая школа* // *Лингвистический*

школе. Однако структуралисты, как она называет, по-видимому, их всех, были ей чужды. Параллельно с Гинзбург обсуждая эти темы в письмах к литературоведу Дмитрию Максиму, она пишет в 1962 г.: «желание все в литературе облечь в систему всегда заставляло упускать разное, другое и существенное»²⁸.

В письме к Гинзбург от 8 февраля 1963 г. Надежда Мандельштам высказывается и об историко-литературном подходе, называя его «историцизмом»:

И еще об историцизме. Очень мило, конечно, знать, что Шекспир — елизаветинец или Еврипид — грек. Эпоха и все прочее... Без этого, вероятно, не обойдешься. Но для понимания “кое-чего”, что сохраняет эти вещи неприкосновенными в течение столетий, это знание ничего не дает. Тот бергсоновский веер времени, который нагло выдумал Оська в своих статьях²⁹, это здоровый и хороший выпад против историцизма, способ сохранять вещь в накаленном состоянии через много веков. [...] В науке, где есть преемственность, с историцизмом получше. [...] Но это только один из ходов научной мысли, бьющейся о тайну бытия. А искусство, которое, вероятно, занимается тем же, как изучать его с помощью одного метода?

энциклопедический словарь..., с. 390–391. По мнению Гинзбург, Надежда Мандельштам имела в виду *Тезисы о поэтическом языке* Пражского лингвистического кружка, опубликованные в 1929 г. В *Тезисах* впервые давалось систематическое изложение программы кружка, основной идеей которого было представление о языке как о функциональной системе.

²⁸ *Письма Н.Я. Мандельштам к Д.Е. Максиму*, публ., вступ. ст. и коммент. Н.Т. Ашимбаевой // *Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: К 100-летию со дня рождения*, Наука, Москва 2007, с. 292. Письмо от 22 ноября 1962 г.

²⁹ В 1907–1908 гг. Мандельштам слушал в Париже лекции Бергсона, упоминает о нем в статье *О природе слова* (1920–1922), ставя перед собой вопрос: «[...] является ли русская литература современная — той же самой, что литература Некрасова, Пушкина, Державина или Симеона Полоцкого?» См. О.Э. Мандельштам, *Слово и культура...*, с. 55. «Веер времени» дает ему возможность увидеть ее как единство. Этот образ есть в работе Бергсона *Творческая эволюция*, но в контексте, противоположном мандельштамовскому: «Рассуждая об отдельных системах, мы можем сколько угодно предполагать, что прошлая, настоящая и будущая история каждой из них может быть развернута сразу, подобно вееру: но история эта все же будет развертываться постепенно, как будто ее длительность была аналогична нашей». А. Бергсон, *Творческая эволюция*, пер. В.А. Флеровой, Кучково поле, Москва–Жуковский 2006, с. 37. Обретенный образ оказался для Мандельштама важнее этого контекста, вошел в его стихотворение 1917 г. *Меганом*: «[...] И раскрывается с шуршаньем / Печальный веер прошлых лет [...]». О. Мандельштам, *Полное собрание стихотворений*, Академический проект, Санкт-Петербург 1995, с. 140.

«А ЧТО ТАКОЕ СТИШКИ?»...

Отрицая ценность формального, структурного и историко-литературного анализа, она в ряде писем жестко критикует с этих позиций книгу Гинзбург *О лирике*. Ответные письма Гинзбург не сохранились.

Поскольку наличные филологические ключи не открывают дверцу, Н. Мандельштам ведет параллельный поиск в области психологии и философии. В том же письме от 8 февраля 1963 г. она пишет: «Надо бы понюхать, что такое «гештальтпсихология»³⁰. И о Зигмунде Фрейде:

(Не думайте, что это моя слабость, — я на фрейдизм никогда не клевала, но «кое-что» увидела недавно.) Это «кое-что» очень большое явление для науки. Он открыл не прямые, т. е. не логические, ходы мышления и духовной жизни в период, когда, кроме логических, никаких категорий не было.

Ей должно было импонировать утверждение Фрейда: «К сожалению, психоанализ вынужден сложить оружие перед проблемой писательского мастерства»³¹. Но попытки ученого объяснить истоки творчества сублимацией и реализацией собственных всем людям фантазий не могли казаться ей достаточными.

Пытаясь подобрать к стихам одновременно разные ключи, Надежда Мандельштам, видимо, следует идее Осипа Мандельштама. Ему хотелось, чтобы все было объединено в одной науке. В *Разговоре о Данте* он мечтал «о создании органической поэтики не законодательного, а биологического характера, уничтожающей канон во имя внутреннего движения организма, обладающей всеми чертами биологической науки»³².

За отсутствием же единой науки, сохраняющей произведение живым «тринадцатитысячегранником», каким представля-

³⁰ Гештальтпсихология — психологическое направление, существовавшее в Германии с начала 10-х до середины 30-х гг. XX в. Гештальтпсихология создала целостный подход к изучению психики и сознания. Сознание понималось как динамическое целое, «поле», каждая точка которого взаимодействует со всеми остальными. Единицей анализа этого поля выступает «гештальт» как целостная образная структура, не сводимая к сумме составляющих ее ощущений. См. С. Р. Немов, *Психологический словарь*, Владос, Москва 2007, с. 88–89. Возможно, ключевое для гештальтпсихологии понятие целостности и привлекло внимание Мандельштам к этому направлению в психологии.

³¹ З. Фрейд, *Достоевский и отцеубийство* // его же, *Художник и фантазирование*, пер. Р. Ф. Додельцева, Республика, Москва 1995, с. 284.

³² О. Э. Мандельштам, *Слово и культура...*, с. 66.

лась Мандельштаму *Божественная комедия*³³, Н. Мандельштам предлагает филологам эссе — как жанр, в котором возможен синтез и присутствие автора с его субъективной позицией. Тайну поэзии и с помощью эссе не раскроешь, но к ней можно прикоснуться. Н. Мандельштам пишет Максимову: «Из тысяч ‘эссе’ остаются 2–3 мысли, и это хорошо», напоминает, что «*Разговор о Данте* — тоже эссе [...] Жанр — законный»³⁴. Однако мандельштамовские эссе, такие же «тринадцатитысячегранные», как его стихи, неповторимы, а та эссеистическая критика, которую Мандельштам назвал «лирикой о лирике», — «сплошная отсебятина», и ее, как он считал, не должно существовать. Считала ли так Н. Мандельштам?

Свои книги и статьи, в основном мемуарные, она писала в эссеистическом, синтезирующем стиле, включавшем, в частности, филологический, философский, психологический подходы, но главное — личное, субъективное начало. Н. Мандельштам сохранила в текстах «живой голос», «задор и полемическую ярость» — все то, что, по ее словам, вытравила из своей прозы Ахматова³⁵. В предельном варианте эти свойства культивированы во *Второй книге*. Последнее письмо в переписке Мандельштам с Гинзбург — от 13 июля 1968 г. — содержит оценку Лидией Яковлевной незавершенной рукописи этой книги:

По-настоящему, как бы следовало, не могу Вам написать. Для этого нужно бы мне еще раз прочитать книгу. Я ведь прочитала ее фактически за один день, в спешке.

Я уже сказала Вам, что мне очень понравился кусок о Марине. Ну, это деталь, а главное, что очень интересно и важно в целом. Документ сознания. Это само собой понятно.

Но меня все время не оставляло некое желание. Желание побольше узнать о герое. О том, что он делал, что говорил, о каких-то подробностях обстановки. Это ведь все будет потом невозможным.

Оценка книги осторожная и лаконичная. Но очевидно, что для Гинзбург *Вторая книга* — не столько рассказ об эпохе и ее действующих лицах, как было задумано, сколько «документ сознания» самой Н. Мандельштам. А Гинзбург хотелось бы соблюдения мемуарного жанра: «[...] побольше узнать о герое [...]» — о Мандельштаме.

³³ Там же, с. 120.

³⁴ *Письма Н. Я. Мандельштам к Д. Е. Максимову...*, с. 293.

³⁵ Н. Я. Мандельштам, *Моцарт и Сальери* // ее же, *Собрание сочинений...*, т. 1, с. 784.

«А ЧТО ТАКОЕ СТИШКИ?»...

Не случайно переписка заканчивается после чтения Гинзбург этой рукописи. В ее заметке, предваряющей подготовленные ею к печати письма Мандельштам, сказано скупое, но вполне определенно: «В 1970-х годах наше общение постепенно прекратилось. Сыграло в этом свою роль то обстоятельство, что для меня оказались неприемлемыми оценки культурных фактов и людей во *Второй книге* ее воспоминаний»³⁶.

REFERENCES

- Bergson, Anri. *Tvorcheskaya evolyutsiya*. Transl. Flerova, V. A. Moskva-Zhukovskiy: Kuchkovo pole, 2006 [Бергсон, Анри. *Творческая эволюция*. Пер. Флерова, В. А. Москва-Жуковский: Кучково поле, 2006].
- Bulygina, Tat'yana Vyacheslavovna. "Prazhskaya lingvisticheskaya shkola." *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 390–391 [Бульгина, Татьяна Вячеславовна. "Пражская лингвистическая школа." *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 390-391].
- Freyd, Zigmund. "Dostoyevskiy i ottseubiystvo." Freyd, Zigmund. *Khudozhnik i fantazirovaniye*. Transl. Dodel'tsev, Rudol'f Fedorovich. Moskva: Respublika, 1995 [Фрейд, Зигмунд. "Достоевский и отцеубийство." Фрейд, Зигмунд. *Художник и фантазирование*. Пер. Додельцев, Рудольф Федорович. Москва: Республика, 1995].
- Gershteyn, Emma Grigor'yevna. *Memuary*. Sankt-Peterburg: INAPRESS, 1998 [Герштейн, Эмма Григорьевна. *Мемуары*, Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 1998].
- Ginzburg, Lidiya Yakovlevna. *O lirike*. Moskva–Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1964 [Гинзбург, Лидия Яковлевна. *О лирике*. Москва–Ленинград: Советский писатель, 1964].
- Ginzburg, Lidiya Yakovlevna. *Zapisnyye knizhki. Vospominaniya. Esse*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 2002 [Гинзбург, Лидия Яковлевна. *Записные книжки. Воспоминания. Эссе*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2002].
- Levinton, Georgiy Akhilovich. "OPOYAZ." *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1990 [Левинтон, Георгий Ахиллович. "ОПОЯЗ." *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 1990].
- Mandel'shtam, Nadezhda Yakovlevna. *Ob Akhmatovoy*. Moskva: Novoye izdatel'stvo, 2007 [Мандельштам, Надежда Яковлевна. *Об Ахматовой*. Москва: Новое издательство, 2007].
- Mandel'shtam, Nadezhda Yakovlevna. *Sobraniye sochineniy v dvukh tomakh*. Vol. I. Yekaterinburg: GONZO, 2014 [Мандельштам, Надежда Яковлевна. *Собрание сочинений в двух томах*. Т. 1. Екатеринбург: ГОНЗО, 2014].
- Mandel'shtam, Osip Emil'yevich. *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy*. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proyekt, 1995 [Мандельштам, Осип Эмильевич. *Пол-*

³⁶ Письма Н.Я. Мандельштам к Л.Я. Гинзбург..., с. 125.

- ное собрание стихотворений. Санкт-Петербург: Академический проект, 1995].
- Mandel'shtam, Osip Emil'yevich. *Slovo i kul'tura*. Moskva: Sovetskiy pisatel', 1987 [Мандельштам, Осип Эмильевич. *Слово и культура*. Москва: Советский писатель, 1987].
- Nemov, Robert Semenovich. *Psikhologicheskiy slovar'*. Moskva: Vlados, 2007 [Немов, Роберт Семенович. *Психологический словарь*. Москва: Владос, 2007].
- Pasternak, Boris Leonidovich. *Stikhotvoreniya i poemy*. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1977 [Пастернак, Борис Леонидович. *Стихотворения и поэмы*, Ленинград: Советский писатель, 1977].
- Paustovskiy, Konstantin Georgiyevich. *Romantiki. Prilozheniya* [Паустовский, Константин Георгиевич. *Романтики. Приложения*] <<http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/romantiki/romantiki-pril-4.htm>>.
- "Pis'ma N. Ya. Mandel'shtam k D. Ye. Maksimovu." Publ., vstup. st. i komment. Ashimbayeva, Natal'ya Tuymbayevna. *Dmitriyu Eugen'yevich Maksimov v pamyati druzey, kolleg, uchenikov: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moskva: Nauka, 2007 ["Письма Н. Я. Мандельштам к Д. Е. Максиму." Публ., вступ. ст. и коммент. Ашимбаева, Наталья Туймебаевна. *Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: К 100-летию со дня рождения*. Москва: Наука, 2007].
- "Pis'ma N. Ya. Mandel'shtam k L. Ya. Ginzburg." Podgot. teksta Tsendrovskaya, Natal'ya Konstantinovna, pri uchastii Metsa, Aleksandra Grigor'yevicha, komment. Ginzburg, Lidiya Yakovlevna. *Zvezda* 1998, no. 10. 125–149 [*Письма Н. Я. Мандельштам к Л. Я. Гинзбург*. Подгот. текста Цендровская, Наталья Константиновна, при участии Меца, Александра Григорьевича, коммент. Гинзбург, Лидия Яковлевна. *Звезда* 1998, № 10. 125–149].
- Solov'yev, Vladimir Sergeyeovich. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika*. Moskva: Iskusstvo, 1991 [Соловьев, Владимир Сергеевич. *Философия искусства и литературная критика*. Москва: Искусство, 1991].
- Tarusskiye stranitsy: *Literaturno-khudozhestvennyy illyustrirovannyi sbornik*. Kaluga: Kaluzhskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1961 [*Тарусские страницы: Литературно-художественный иллюстрированный сборник*, Калуга: Калужское книжное издательство, 1961].
- Tupyanov, Yuriy Nikolayevich. *Problema stikhotvornogo yazyka*. Moskva: Sovetskiy pisatel', 1964 [Тупянов, Юрий Николаевич. *Проблема стихотворного языка*. Москва: Советский писатель, 1964].